

К проблеме этимологизации лексического субстрата северной России: русское диалектное *сѣндуха*, *сѣндух*

© 2020

Надежда Владимировна Кабинина

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия; nadia.nvlad2010@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматривается вопрос о происхождении русского диалектизма *сѣндуха*, известного в значении ‘тундра; природа’ (архаичные говоры восточносибирского села Русское Устье) — наряду со значениями ‘пустое место’, ‘открытый воздух’, ‘пространство вне дома’, ‘ночлег под открытым небом’ в других микрозонах северной России. Как показано автором, «материнским» ареалом слова является верхнее Пинежье. На этой территории *сѣндуха* многократно фиксируется в контекстах одного типа, причем исключительно как синтаксически связанное слово: «ночевал на сѣндухе — под открытым небом», «на сѣндухе ночевал, без избы, у костра» и т. п. Это, во-первых, позволяет восстановить для слова прототипическое значение ‘открытое место’, а во-вторых, ведет к предположению о том, что этимом русского диалектизма является косвенная форма субстратного слова с этим значением. В качестве этимона автором предлагается реконструированное др.-приб.-фин. *säänneh с основой косвенных падежей **sääntehe-*, где *sää* имеет синкретичное значение ‘погода/воздух/небо’, а *-neeh* является древним, ныне реликтовым, суффиксом со значением уподобления, служащим для образования географических терминов: *säänneh — буквально «место, подобное воздуху, небу», т. е. ‘открытое/чистое/пустое место’. При русском усвоении косвенные формы с основой **sääntehe-* фонетически закономерно должны были отразиться в виде *сѣндVх-*, а окончательное оформление лексемы с очевидностью обусловлено русской адаптацией: сближением со словами *дух*, *воздух* и, возможно, морфологическим влиянием суффикса *-ух(a)*. Согласно гипотезе автора, субстратный язык-источник представлял собой неизвестное ныне древнее прибалтийско-финское наречие, соотносимое с языком «чуди»: о вероятном былом присутствии этого народа на верхней Пинеге ярко свидетельствуют многочисленные местные легенды и ряд этнопонимов. Фиксации диалектизма к востоку от пинежского ареала, вплоть до Камчатки и Прибайкалья, безусловно, являются вторичными.

Ключевые слова: прибалтийско-финские языки, севернорусские диалекты, субстрат, уральские языки, этимология.

Благодарности: Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ «Контактные и генетические связи севернорусской лексики и ономастики» (проект 17-18-01351). Автор выражает благодарность анонимным рецензентам за глубокое прочтение работы и ценные замечания.

Для цитирования: Кабинина Н. В. К проблеме этимологизации лексического субстрата северной России: русское диалектное *сѣндуха*, *сѣндух*. *Вопросы языкознания*, 2020, 2: 93–103.

DOI: 10.31857/S0373658X0008777-3

Towards etymologization of the lexical substrate of Northern Russia: Russian dialectal *sēnduxa*, *sēndux*

Nadezhda V. Kabinina

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia; nadia.nvlad2010@yandex.ru

Abstract: The article addresses the origins of the Russian dialectal *sēnduxa* in the meaning ‘tundra, nature’ (archaic dialects of the East Siberian village of Russkoye Ustye), as well as ‘empty place’, ‘open

air', 'space outside the house', 'lodging under the sky' in other micro-zones of the Northern Russia. The author shows that the word originates from the Upper Pinega. In this area the word can be repeatedly found in the same contexts as a syntactically bound unit: "he spent the night on *sénduxa* — under the open sky", "he spent the night on *sénduxa*, without a roof, near the fire". This allows, firstly, to reveal the prototypical meaning 'open space' for this word and, secondly, leads to the conclusion that its etymon is an oblique form of a substrate word with a similar meaning. As an etymon, the author proposes ancient Balto-Finnic *säänneh with an oblique stem **sääntehe-*, where *sää* has the syncretic meaning 'weather / air / sky', and *-nneh* is an ancient relict suffix with the meaning of similarity, serving to form geographical terms: *säänneh is literally "a place similar to the air, the sky", i.e. 'an open / clear / empty place'. During Russian assimilation, these oblique forms with the stem **sääntehe-*, naturally, should have been phonetically reflected as *sendVx-*, and the final form of the lexeme is conditioned by Russian adaptation: correlation with the words *dux* 'spirit', *vozdux* 'air' and possible morphological influence of the suffix *-ux(a)*. The author suggests that the substrate source language was an unknown Balto-Finnic dialect, which could be brought into correlation with the language of *Chud'*: the possible presence of this people on the Upper Pinega is confirmed by many local legends and a number of ethnic toponyms. All the attestations of this word found to the east from the Pinega area, up to Kamchatka and Baikal, are, with no doubt, of secondary origin.

Keywords: etymology, Finnic, North Russian, substrate, Uralic.

Acknowledgements: This work is supported by Russian Science Foundation (project No. 17-18-01351 *Contact and Genetic Ties of North-Russian Vocabulary and Onomastics*).

For citation: Kabinina N. V. Towards etymologization of the lexical substrate of Northern Russia: Russian dialectal *sénduxa*, *séndux*. *Voprosy Jazykoznanija*, 2020, 2: 93–103.

DOI: 10.31857/S0373658X0008777-3

Северная Россия — одна из тех территорий нашей страны, где в виде лексического и топонимического субстрата представлено языковое наследие десятков народов, многие из которых к настоящему времени либо полностью ассимилированы, либо, под русским влиянием, утратили значительную часть своих культурных и языковых традиций.

Одним из последствий этой исторически обусловленной ситуации является наличие в русских говорах северной России целого пласта этимологически «темных» слов¹, за каждым из которых, по сути, может скрываться «белое пятно» этнической истории региона.

В настоящей работе предлагается этимологическая интерпретация одного из таких слов — северного русского диалектизма *sénduxa*, *séndux*, не имеющего на сегодняшний день никакой этимологии. Между тем, как это нередко бывает, долгое приближение к загадке очередного «темного» слова одновременно оказалось «учебой», в процессе которой обозначились положения, имеющие высокую значимость как для дальнейшего изучения дорусского языкового наследия северной России, так и для создаваемых на этой основе реконструкций этноисторического характера.

1. *Сéндуха, сéндух*: лексикографическая история и ареал

Впервые — в виде *сендух* — слово засвидетельствовано в источнике 1810 г. с пометой *камч.* [камчатское] в значении 'не занятое строениями, лесом, пустое место, пустырь' [СРНГ, 37: 163].

Почти через сто лет начали обнаруживаться более западные по отношению к Камчатке зоны бытования слова. Во-первых, в виде *сендуха* оно было записано в Восточной Сибири в архаичных русских говорах низовий р. Индигирка (басс. р. Колыма). Здесь,

¹ Этот пласт остается значительным несмотря на колоссальную работу этимологов, начатую более ста лет назад Я. Калимой [Kalima 1919] и продолженную десятками исследователей.

на нижней Индигирке, в конце XVI или начале XVII в. было основано поселение Русское Устье², жители которого употребляют слово *сендуха* в значении ‘открытая равнинная тундра’; в нижнеколымских говорах были записаны также варианты *сэнтух*, *сэнтуха* ‘поле, открытое место’ [СРНГ, 37: 175]. Во-вторых, в 1912 г. слово *сендуха* засвидетельствовано в сольвычегодских говорах в значении ‘чистое место в лесу’ [СРНГ, 37: 163]. Наконец, в 1930-е гг. слово *сендуха* было зафиксировано в говорах Пинежья: свидетелем его бытования стал известный писатель М. М. Пришвин. В сборнике «Берендеева чаша» (1935), вышедшем после путешествия Пришвина по Пинежью, есть даже рассказ под названием «Сендуха»:

«...В этот день мы так и не могли выбраться из этого девственно-порочного леса и шли до ночи среди гигантских деревьев в тяжёлом долгомошнике. (...) Где-то на сухом бугорке в этом лесу наш проводник заметил остатки нодьи и сказал нам, что это человек ночевал на сендухе. Так здесь всюду называется ночёвка на воздухе: не в избе, а на сендухе»³.

Как можно судить по этому фрагменту, в лесном «пришвинском» Пинежье 1930-х *сендуха* означало ‘пространство вне дома’, ‘место под открытым небом’, ‘открытый воздух’.

Пинега — река протяженностью почти 800 км, поэтому сразу уточним «пришвинский» ареал слова *сендуха*. Из биографии писателя известно, что поиск своей «Берендеевой чаши», где есть «не тронутый топором лес», он начинал с верховий Пинеги. Пароходом добравшись по Северной Двине до села Верхняя Тойма, Пришвин уже на лошадях, с проводником добрался до самых верхних пинежских деревень Керга и Согра. Далее он спустился на лодке до устья р. Илеша (правый приток Пинеги), а затем поднялся по Илеше до ее притока Кода. Здесь, поднимаясь по Коде пешком, он искал свою заветную чашу⁴. Вероятно, именно в этой зоне — то есть на верхней Пинеге, в крайней восточной части нынешнего Верхнетоемского района Архангельской области, Пришвин и услышал яркое местное слово *сендуха*.

Очень показательны, что спустя много лет после его путешествия, в 1980-е гг., Топономическая экспедиция УрФУ засвидетельствовала наибольшее число фиксаций слова *сэндуха* — с редкими вариантами *сэнтух*, *сэнтух* — именно на верхней Пинеге (Выйское и Горковское сельские поселения Верхнетоемского района). Здесь слово записано участниками экспедиции едва ли не в каждой деревне. За пределами верхнепинежской зоны фиксации слова единичны: они отмечены лишь в селе Усть-Пинега Холмогорского района и в деревнях Засулье и Олема Лешуконского района.

Преобладающие во всех этих зонах значения диалектизма — ‘пространство вне дома’, ‘ночлег под открытым небом’, а контексты, записанные участниками экспедиции, практически повторяют Пришвина: *ночевали на сендухе; спал на сендухе; ночевал на сендухе — под открытым небом, безо всего, значит; на сендухе ночевал, без избы, у костра* [КС-ГРС] и т. п.

Севернорусский ареал слова с учетом его вариантов показан ниже на карте. Западнее и севернее этого ареала слово *сендуха* — даже в единичных фиксациях — не отмечается ни в диалектных словарях, ни в материалах КСГРС, собиравшихся в условиях сплошного полевого сбора.

² Точное время основания села неизвестно, однако в любом случае Русское Устье — уникальная в языковом и культурном отношении зона, до сих пор сохраняющая множество феноменов древнерусской эпохи, «сколок древности», как выразился писатель В. Распутин в предисловии к книге «Русские на Индигирке» [Чикачев 1990: 3].

³ Пришвин М. М. Сендуха. <http://prishvin.lit-info.ru/prishvin/proza/berendeeva-chascha/senduha.htm> (дата обращения: 15.04.2019).

⁴ <http://respublika11.ru/2017/07/31/korabelnaya-chashha-na-udore/> (дата обращения: 15.04.2019).

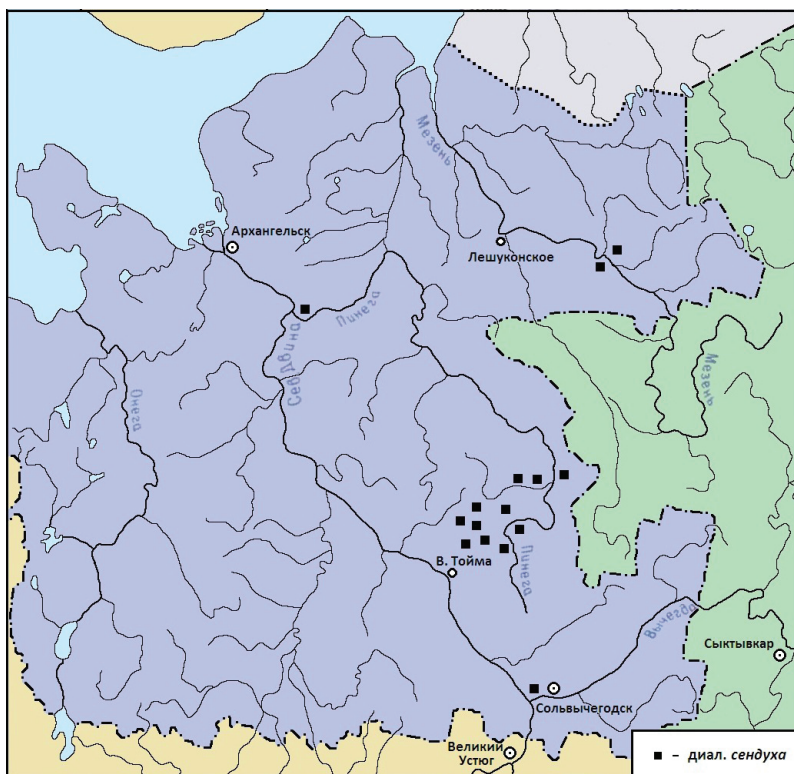

Рис. Севернорусский ареал диалектного *сендуха*, *сендух*

Если мысленно продлить эту карту на восток, то, кроме Камчатки и низовий Индигирки, *сендуха* отмечается в Прибайкалье — здесь слово было засвидетельствовано поздно, уже во 2-й пол. XX в. [СРНГ, 37: 163; Аникин 1997: 510]. В камчатских и большинстве сибирских фиксации диалектизм имеет ту же семантику, что и на Русском Севере: ‘пространство вне дома’, ‘ночлег под открытым небом’.

Таким образом, сложилось так, что слово *сендуха* фиксировалось собирателями с большими промежутками во времени, причем в «парадоксальном» направлении с крайнего северо-востока России (Камчатки) на запад. Это, видимо, повлияло на этимологическую историю диалектизма: он не попал в известный словарь М. Фасмера, а А. Е. Аникин [1997: 511] первоначально предполагал его корни в языках народов Сибири — позже, с учетом севернорусских фиксаций, он отклонил сибирский источник [Аникин 2000]. С ним солидаризировался Е. А. Хелимский [2002: 81]: «... заимствование слова *сѣндух* в процессе освоения индигирской тундры можно с уверенностью исключить, так как оно несомненно является досибирским⁵».

В итоге, опираясь на лингвогеографические данные, мы приходим к тому, что до сибирским — то есть, вероятно, «материнским» — ареалом для *сендуха* является сравнительно небольшая зона, прилегающая к верховьям Пинеги. Возможно, в прошлом она была несколько шире, чем сейчас, — об этом свидетельствуют слабые иррадиации ареала на северо-запад (Усть-Пинега), северо-восток (Лешуконье) и юг (Сольвычегодск).

⁵ Квалификация слова как «досибирского» означает, что оно было принесено в Сибирь переселенцами из других регионов России.

2. В поисках этимологии

В связи с явно субстратным характером пинежского *сендуха* закономерно встает вопрос о том, что известно о дорусском населении верхнего Пинежья. На лингвоэтнической карте А. К. Матвеева [2004: 330] здесь отмечено бывшее присутствие прибалтийско-финского и саамского населения; кроме того, обратим внимание на близость ареала к землям коми-зырян⁶.

Из сказанного в разделе 1 ясно, что в поисках этимологии диалектного *сендуха* важнейшей опорой следует считать его семантику, которая хорошо сохранилась на огромном пространстве от Пинежья до Камчатки и Прибайкалья. Устойчивость семантики в данном случае не вызывает удивления — она, видимо, обусловлена устойчивостью самой ситуации ночлега вне жилища, «на воздухе», «под открытым небом», которая характерна для малообжитых территорий как Русского Севера, так и Сибири.

Обратим внимание также на то, что на всем ареале, кроме нижнеколымских говоров, *сендуха* является словом с «жесткими» контекстными связями. В абсолютном большинстве контекстов оно фиксируется в выражениях *ночевать на сендухе*, *спать на сендухе* — т. е. «ночевать на открытом месте, вне дома, на природе, на воздухе, под небом». Тем самым в качестве прототипических для *сендуха* восстанавливаются значения «открытое место», «пространство вне дома», «воздух», «небо», «природа», что в целом можно назвать семантикой открытого природного пространства. Вполне очевидно, что денотативно эта семантика присутствует и в уникальном русско-устьинском *сендуха* «тундра», поскольку тундра Сибири, в отличие от европейской, представляет собой именно открытое, кажущееся бескрайним пространство⁷.

Если с опорой на все сказанное выше обратиться к поиску этимона в прибалтийско-финских языках, саамских диалектах и коми-зырянском языке, то оказывается, что в их словарях нет ничего похожего на слово *сендуха*. Однако прибалтийско-финские языки все же дают возможность этимологически интерпретировать это слово.

В частности, реконструированная выше первичная семантика русск. диал. *сендуха* побуждает внимательно отнестись к приоб.-фин. *sää* (gen. *sään*), имеющему ныне основное значение «погода». В прибалтийско-финских языках это слово является синонимом лексемы *ilma* с основными значениями «воздух», «погода» [ФРС: 616; SKES, 4: 1177].

С фонетической стороны приоб.-фин. *sää* интересно тем, что его генитивная форма *sään* при русском усвоении закономерно отразилась бы в виде *сен*⁸. Однако еще более интересна древняя семантика приоб.-фин. *sää* — в пределах финно-угорского гнезда она, как и в случае с *ilma*, иллюстрирует теснейшие связи между значениями «воздух», «погода», «небо».

Эти связи показаны в табл. 1, составленной по этимологическим статьям к фин. *ilma* и *sää* [SSA, 1: 224; 3: 244; SKES, 1: 104; 4: 1177] и по статьям, в которых приводятся их соответствия в других финно-угорских языках [КЭСКЯ: 268; KKLS, I: 549; UEW: 435].

⁶ В живом общении с А. К. Матвеевым автору не раз доводилось слышать о том, что в этой зоне могли бытовать и языки неизвестных ныне финно-угорских народов, скрывающихся, например, за древнерусскими обозначениями «чюдь», «тоймичи поганые», «сура поганая».

⁷ Вот как передает ощущение этой «бескрайности» писатель В. Распутин в рассказе «Сендуха»: «Тундра — это географическое и породное обозначение; сендуха — изначальная природная власть, всеохватная и всемогущая, карающая и жалующая, единое дыхание бесконечной распростертости. (...) перед собою видишь только бесконечную снеговую поверхность...» [https://public.wikireading.ru/128729 (дата обращения 15.04.2019)].

⁸ Трансформация приоб.-фин. *ä* > русск. *'a* > *'e* была на Русском Севере тотальным фонетическим процессом, подробнее см. [Kalima 1919: 52; Матвеев 2001: 140–141].

Таблица 1

Семантические соответствия прибалт.-фин. *ilma* и *sää* в финно-угорских языках

<i>ilma</i> и его соответствия	<i>sää</i> и его соответствия
‘воздух’ (фин., ижор., карел., люд.)	‘воздух’ (венг., коми-зыр.)
‘погода’ (фин., ижор., карел., люд., вод., эст., лив., саам., манс., хант.)	‘погода’ (фин., ижор., карел., люд., вепс., саам.)
‘небо’ (ижор., карел., саам., удм.)	‘небо’ (венг.)
‘буря, шторм’ (фин., саам.)	‘буря, шторм’ (фин., ижор., вепс., вод., саам.)
‘все видимое’, ‘все что снаружи’, ‘мир, свет’ (ижор., карел., люд., эст., лив., саам., хант.)	—
‘Бог’ (коми-зыр.)	—
‘сторона горизонта’ (фин.)	—
—	‘ветер’ (карел., саам.)
—	‘гроза’ (карел.)
—	‘дым’ (диал. коми-зыр.)

Как можно видеть по составу языков, в которых имеются соответствия прибалт.-фин. *ilma* и *sää*, оба слова являются очень древними. Полного изоморфизма семантики между гнездами не наблюдается — да и трудно было бы ожидать его для разных слов. Однако по данным таблицы вполне очевидна устойчивая связь примарных значений ‘воздух’ — ‘погода’ — ‘небо’, раскрывающая древнее синкретичное финно-угорское видение «наружного», надземного природного пространства.

Тем самым возникает предположение о том, что в прибалтийско-финских языках некогда существовало слово с начальным компонентом **sään-* (> русск. *сен-*), которое употреблялось, в частности, в ситуации ночлега вне дома: «на погоде» / «на воздухе» / «под небом».

В этом случае, однако, значительные трудности вызывает объяснение оставшейся части слова. Если в нем отражен генитив *sään*, то сам этимон русск. диал. *сендуха* должен представлять собой композит — сложное слово с имеющей собственное значение второй частью. Пока нам не удалось найти ни одного прибалтийско-финского слова, которое, с учетом всех фонетических и семантических «условий», хоть как-то подходило бы на эту роль, поэтому генитивная версия остается под вопросом.

Гораздо более перспективным кажется соотнесение финали слова с древним прибалтийско-финским именным суффиксом *-neh* — в косвенных падежах *-nehe-*, ведущее к реконструкции исходного др.-прибалт.-фин. *säänneh : **säännehe-*.

Суффикс *-neh* заслуживает особого комментария. В современных прибалтийско-финских языках это мертвый суффикс, очевидный реликт, сохранившийся в крайне ограниченной группе слов, преимущественно финских; буквально единичны карельские, вепсские и ижорские лексемы с этим суффиксом (см. таблицу 2).

По данным таблицы видно, что, кроме архаичности, которая явно выражается в редкости суффикса *-ne(h)*, он обладает еще одной характерной чертой: во всех приведенных случаях он служит для образования географических терминов.

Приоритетной эту функцию суффикса считает и известный историк финского языка Л. Хакулинен [1953: 149]. Действительно, как можно видеть по данным таблицы 2, при деривации от прилагательных суффикс *-ne(h)* образует географические термины, которые обозначают место/пространство, обладающее признаком, выраженным в производящем слове (*tasanne* ‘равнина’ < *tasa* ‘ровный’ и т. п.). При деривации от существительных суффикс проявляет семантику «уподобления», образуя географические термины с общим

Таблица 2

Прибалтийско-финские лексемы с суффиксом *-nne(h)*

Лексемы с суффиксом <i>-nne(h)</i>	Производящие слова
1. Деривация от существительных	
фин. <i>aronne</i> 'сырая земля'	<i>aro</i> 'сырой прибрежный луг, лощина; сухая земля с бедной растительностью; сухая равнинная земля, степь' [SSA, 3: 83]
фин. <i>harjanne</i> 'хребет'	<i>harja</i> 'гребень' [ОФУЯ 1975: 65]
фин. диал. <i>keidanne</i> 'пригорок, холмик'	<i>keidas</i> 'оазис', диал. 'болотный островок' [Хакулинен 1953: 149]
фин. <i>lotmanne</i> 'ложбина, долина'	<i>lotma</i> 'то же' [SSA, 2: 95]
фин. <i>luomanne</i> 'ручей с крутыми берегами; ложбина, пологий берег'	<i>luoma</i> 'ручей с крутыми берегами' [SSA, 2: 107]
фин. <i>ojanne</i> 'сырая ложбина; (высохшее) русло ручья; ручей'	<i>oja</i> 'прорытая в земле колея; ручей'
карел. <i>ojanneh</i> 'сырая ложбина; ручей'	<i>oja</i> 'канава; ручей' [SSA, 2: 262]
люд., вепс. <i>ojandeh</i> 'ложбина, канава'	
фин. <i>selänne</i> 'кряж, хребет'	<i>selkä</i> 'спина' [SSA, 3: 167]
карел. <i>selänneh</i> 'то же'	
фин. <i>silmänne</i> 'родник, ключ; окно в болоте'	<i>silmä</i> 'глаз' [SKES, 4: 1026]
фин. <i>suvanne</i> 'плес'	= фин. <i>suvanto</i> , карел. <i>Ф suvanto</i> 'плес' [SSA, 3: 227]
фин. диал. <i>tieranne</i> 'невыгоревшее место на подсеке'	фин. <i>tiera</i> 'то же' [SKES, 5: 1284]
фин. <i>tilanne</i> 'место, пространство'	фин. <i>tila</i> 'место; состояние; дом, участок' [SSA, 3: 294–295]
2. Деривация от прилагательных	
фин. <i>alanne</i> 'низкое место, низина'	<i>ala</i> 'нижний' [ОФУЯ 1975: 65; ФРС: 28]
ижор. <i>alanneh</i> 'то же'	
фин. <i>gyrkänne</i> 'крутизна, обрыв'	<i>gyrkä</i> 'крутой' [Хакулинен 1953: 149]
фин. <i>syväanne</i> 'низина, впадина, котловина; яма'	<i>syvä</i> 'глубокий' [ФРС: 609]
фин. <i>tasanne</i> 'равнина'	<i>tasa</i> 'ровный' [SSA, 3: 274]

значением «место, похожее на что-либо, подобное чему-либо». В качестве семантической аналогии можно привести русский суффикс *-ин(а)*, который в составе некоторых диалектных географических терминов также имеет «уподобительное» значение — например, в словах *болóтина*, *озерéина*, *ручьеvíина* и т. п.

С опорой на все вышеприведенные факты мы предполагаем, что прибалт.-фин. *sää*, когда-то обозначавшее не только погоду, но и небо, воздух, все надземное пространство, могло иметь диалектный дериват **säänneh*. Этот дериват должен был являться «земным» географическим термином, имеющим значение «место, подобное небу», то есть «открытое, широкое, пустое, чистое пространство».

Согласно морфологическим закономерностям прибалтийско-финских языков, основа косвенных форм этого слова должна иметь вид **säänthe-*, что очень близко к *сендуха*. То, что русский диалектизм фонетически ближе именно к основе косвенных форм, не должно удивлять — в живой речи формы косвенных падежей, по сравнению с начальной формой,

гораздо более частотны. *Сендуха*, скорее всего, было усвоено русскими именно из конструкций с косвенными формами лексемы *säänneh — об этом говорит уже упоминавшаяся выше устойчивая контекстная связанность русского слова (*ночевать/спать на сендухе*)⁹.

К этому остается добавить, что конечному оформлению приоб.-фин. *sää-nneh : **sää-ntehe-* в виде *сендуха* безусловно способствовала русская адаптация: с морфологической стороны можно предполагать влияние суффикса *-ух(a)*, а с семантической стороны — сближение с исконно русскими словами *дух*, *воздух*.

3. *Сендуха* — карельское или «чудское»?

Если наша реконструкция верна, то какому же языку принадлежало слово *säänneh : **sääntehe-*? Его источником может являться либо карельский язык, до сих пор сохранивший древний интервокальный *h*, либо какое-то неизвестное ныне прибалтийско-финское наречие, в котором этот звук тоже не был утрачен.

В связи с этим, конечно, нельзя обойти вниманием весьма многочисленные сведения о том, что в верховьях Пинеги некогда жил народ под названием «чудь». Главным образом об этом говорят местные легенды, локализирующие «чудь» в нескольких микрорайонах верхней Пинеги: в деревнях Вахтинская, Ефимовская, Керга, Нижняя Тойма, Окуловская, Согра, Чудиново и по рекам Вадюга, Выя, Илеша и Нижняя Тойма¹⁰. Все эти микрорайоны входят в севернорусский ареал слова *сендуха*, обозначенный выше на карте. Из топонимических свидетельств показательное название деревни *Чудиново*, а также, видимо, микротопоним *Чудаки* близ д. Ефимовская. Интересно, что нигде ниже по Пинеге — ни в среднем ее течении, ни в низовьях — не наблюдается столь высокой концентрации свидетельств былого проживания *чуди*.

На наш взгляд, при всей размытости обозначения «чудь», маловероятно, что это этническое имя относилось к карелам. По крайней мере, как известно автору по собственным и иным исследованиям, славянское население Русского Севера хорошо отличало карелов от других финно-угорских групп и обычно использовало для их обозначения этноним *корелы*, от которого осталось множество антропонимических и топонимических следов, см., например, [Кабинина 2011: 24–26]¹¹.

Тем самым более вероятно, что лексема *säänneh : **sääntehe-* (> сев.-русск. *сендуха*) принадлежала неизвестному ныне «чудскому» наречию, в котором сохранились древне-прибалтийско-финские черты.

Возможность саамского или пермского происхождения лексемы следует отклонить по фонетическим причинам. Так, саам. ин. *šonŋ^a*, патс., нотоз. *šenŋ^a*, кильд. *šenŋ*, тер. *šanŋ* ‘погода/воздух; ветер, буря, шторм’ (*šāgnā) [KKLS, I: 549] отличаются от русск. *сендуха* и по консонантизму, и по вокализму первого слога — при русском усвоении они дали бы **шонг-* / **шынг-* / **шанг-*. Коми-зыр. *сынöd* ‘воздух’, являющееся предполагаемым

⁹ Если предполагать, что источником слова был прибалтийско-финский язык вепского типа, в котором отсутствует альтернатива взрывных согласных, то термин следует реконструировать в виде *sāndeh; похожий облик имело бы и слово, принадлежащее раннему прибалтийско-финскому языку. Тем самым, несмотря на синтаксическую связанность русского *сендуха*, нельзя полностью исключить, что оно восходит к начальной форме субстратного слова.

¹⁰ [КСГРС; Криничная 1991], см. [https://serg-slavorum.livejournal.com/530515.html].

¹¹ Это во многом объясняется тем общеизвестным обстоятельством, что первыми из восточных славян Русский Север осваивали выходцы из Великого Новгорода. Столь же хорошо известно, что «корела» издревле была военным союзником Новгорода, в силу чего карельское население и карельский язык хорошо распознавались русскими.

соответствием приб.-фин. *sää* [КЭСНЯ: 268], при русском усвоении отразилось бы в виде *сын(V)д-, а общеперм. *süjet [Там же] — в виде *сунт- или *сынт-.

Итоговые размышления

Итак, для загадочного русского диалектизма *сендуха* мы предполагаем источник в виде «чудского» (~ древнеприбалтийско-финского) *sää-nneh : *sää-ntehe-. Согласно этой реконструкции, корневой компонент *sää* имел синкретичное значение ‘погода/воздух/небо’, а суффикс *-nneh* : *-ntehe* придавал слову значение ‘место, подобное воздуху, небу’, то есть ‘открытое/широкое/чистое/пустое место’. Будучи усвоенным на Русском Севере (верхнее Пинежье), далее слово *сендуха* вместе с переселенцами попало в Сибирь и на Камчатку, хорошо сохранив при этом базовую семантику, в которую легко вписываются все локальные значения: ‘открытый воздух’, ‘поле, открытое место’, ‘чистое место в лесу’ и др. [СРНГ, 37: 163, 175; КСГРС]. Неудивительно и то, что в архаичных русскоустыинских говорах *сендуха* стало обозначать бескрайнюю равнинную тундру. Первопоселенцам Русского Устья, пришедшим сюда в XVI или XVII столетии, слово *тундра* было попросту неизвестно, поскольку в то время оно бытовало только в говорах Беломорья, причем в своем раннем исходном значении ‘безлесная гора’¹².

Степень корректности предлагаемой реконструкции должны, безусловно, «взвесить» специалисты-этимологи, в том числе финно-угроведы, однако позволим себе завершить проведенную работу несколькими замечаниями, которые, на наш взгляд, значимы для будущих исследований языкового субстрата северной России.

Во-первых, лексикографическая история, ареал и этимология слова *сендуха* побуждают безусловно присоединиться к мнению Аникина [2000] и Хелимского [2002], согласно которому важнейшим условием правильной этимологической интерпретации ряда сибирских диалектизмов является поиск и уточнение их севернорусских параллелей.

Во-вторых, исследователям финно-угорского субстрата Русского Севера стоит обратить самое пристальное внимание на территориальное своеобразие «чудского» (? ~ древнеприбалтийско-финского) языкового наследия, в котором, вероятно, следует искать ключ к решению многих лексических и топонимических загадок. С учетом опыта *сендухи* можно говорить о том, что «чудской» материал — как в фонетическом, так и в семантическом отношении — наилучшим образом сохраняется в «потайных», труднодоступных уголках Русского Севера, подобных заросшим девственным лесом верховьям Пинеги. Выявить такие зоны на карте можно с чисто географических позиций, далее сверяя их с ареалами этнотопонимических и иных свидетельств былого проживания «чуди».

В-третьих, при этимологической разработке «темных» северных диалектизмов необходимо принимать в расчет основы ко с в е н н ы х форм субстратных слов — пока, как можно судить по имеющимся работам, исследователи склонны «привязывать» этимологию того или иного субстратного слова к фонетическому облику начальной формы предполагаемого слова-источника. По всей видимости, особенно это касается географических терминов (а также топонимов), большая часть «жизни» которых проходит в местных падежах.

Наконец, опыт этимологического анализа слова *сендуха* свидетельствует о том, что «сухая» этимологическая разработка даже одного субстратного слова может дать ключ к некоторым загадкам истории северной России. В нашем случае это, с одной стороны, история верхнепинежских деревень с их вероятными «чудскими» корнями, а с другой стороны — история восточносибирского села Русское Устье, которая пока овееана лишь легендами.

Нынешние русскоустыинцы считают себя потомками «новгородцев» и «казаков» [Чикачев 1990: 22, 28 и сл.]. Линии «казаков» в данном исследовании мы не касаемся, однако,

¹² Об истории слова *тундра* см. [Аникин 1997: 590–591].

видимо, есть возможность уточнить «новгородское» происхождение части жителей Русского Устья. Очень вероятно, что среди его первопоселенцев были не собственно новгородцы, а их потомки, не одно столетие прожившие на верхней Пинеге в тесном контакте с местными финно-угорскими народами. На это указывает как ареал слова *сендуха*, так и другие факты — в частности, наличие в русскоустыинских говорах немалого количества слов, восходящих к субстратным языкам Русского Севера. Еще почти сто лет назад эту особенность отметили В. Г. Богораз и вслед за ним М. Фасмер: по данным Богораз, в нижнеколымских говорах отмечено 3 заимствования из саамских диалектов, по меньшей мере 9 — из прибалтийско-финских языков и около 20 — из коми-зырянского языка [Хелимский 2002: 77]¹³. Это согласуется и с результатами других диалектологических исследований, показавших тесную связь русскоустыинского говора с говорами Русского (Архангельского) Севера [Васильев 2017: 72].

Правда, на наш взгляд, статистика Богораз не вполне точна: в означенном корпусе явно преобладают слова не коми-зырянского, а прибалтийско-финского происхождения. Соответствующие уточнения, в силу их объемности, представляют собой тему отдельного исследования, планируемого автором в ближайшее время.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

венг. — венгерский язык
 вепс. — вепский язык
 вод. — водский язык
 диал. — диалектное слово
 др.-приб.-фин. — древнеприбалтийско-финский язык
 ижор. — ижорский язык
 ин. — диалект Инари саамского языка
 карел. — собственно карельское наречие карельского языка
 карел.Ф — карельские говоры Финляндии
 кильд. — кильдинский диалект саамского языка
 коми-зыр. — коми-зырянский язык
 лив. — ливский язык
 люд. — людиковское наречие карельского языка

манс. — мансийский язык
 нотоз. — нотозерский диалект саамского языка
 общеперм. — общепермский язык
 патс. — диалект Патсйоки саамского языка
 приб.-фин. — прибалтийско-финские языки
 русск. — русский язык
 саам. — саамский язык
 сев.-русс. — севернорусские говоры
 тер. — терский диалект саамского языка
 удм. — удмуртский язык
 фин. — финский язык
 хант. — хантыйский язык
 эст. — эстонский язык
 гев. — генитив (родительный падеж)

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Аникин 1997 — Аникин А. Е. *Этимологический словарь русских диалектов Сибири*. Новосибирск: Наука, 1997.
 КСГРС — *Картотека словаря говоров Русского Севера* (хранится на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета).
 КЭСЛЯ — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. *Краткий этимологический словарь коми языка*. М.: Наука, 1970.
 СРНГ, 37 — Сороколетов Ф. П. (гл. ред.). *Словарь русских народных говоров*. Вып. 37. СПб.: Наука, 2003.
 ФРС — Вахрос И., Щербаков А. *Большой финско-русский словарь* / Под ред. В. Оллыкайнен, И. Сало. М.: Русский язык, 1999.
 KKL5 — Itkonen T. I. *Koltan- ja Kuolanlapin sanakirja*. (Lexica societatis Fenno-ugricae, XV.) O. I–II. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1958.

¹³ С корпусом этих слов можно познакомиться в монографии А. Г. Чикачева [1990: 137–166] в главе «Лексика досельного говора».

- SKES — *Suomen kielen etymologinen sanakirja*. 1–7 / Toim. Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1955–1981.
- SSA — *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. 1–3 / Toim. Itkonen E., Kulonen U.-M. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992–2000.
- UEW — Rédei K. *Uralisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. 1–3. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986–1991.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аникин 2000 — Аникин А. Е. Из лексического комментария к русской колонизации Сибири. *Гуманитарные науки в Сибири*, 2000, 4: 74–77. [Anikin A. E. From the lexical commentary to the Russian colonization of Siberia. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2000, 4: 74–77.]
- Васильев 2017 — Васильев В. Л. К вопросу о связях севернорусских говоров с говором села Русское Устье на северо-востоке Якутии. *Севернорусские говоры*. Вып. 16. Герд А. С., Пурицкая Е. В. (ред.). СПб.: Нестор-История, 2017, 63–75. [Vasil'ev V. L. On the relationship between Northern Russian dialects and the dialect of Russkoye Ustye in the North-East of the Sakha Republic. *Severnorrusskie govory*, No. 16. Gerd A. S., Puritskaya E. V. (eds.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017, 63–75.]
- Кабина 2011 — Кабина Н. В. *Субстратная топонимия Архангельского Поморья*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. [Kabinina N. V. *Substratnaya toponimiya Arkhangel'skogo Pomor'ya* [Substratal toponymy of the Arkhangelsk Pomorye]. Ekaterinburg: Ural Univ. Publ., 2011.]
- Криничная 1991 — Криничная Н. А. *Предания Русского Севера*. СПб.: Наука, 1991. [Krinichnaya N. A. *Predaniya Russkogo Severa* [The legends of the Russian North]. St. Petersburg: Nauka, 1991.]
- Матвеев 2001 — Матвеев А. К. *Субстратная топонимия Русского Севера*. Ч. 1. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. [Matveyev A. K. *Substratnaya toponimiya Russkogo Severa*. [Substratal toponymy of the Russian North]. Part 1. Ekaterinburg: Ural Univ. Publ., 2001.]
- Матвеев 2004 — Матвеев А. К. *Субстратная топонимия Русского Севера*. Ч. 2. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. [Matveyev A. K. *Substratnaya toponimiya Russkogo Severa*. [Substratal toponymy of the Russian North]. Part 2. Ekaterinburg: Ural Univ. Publ., 2004.]
- ОФУЯ 1975 — Лыткин В. И., Майтинская К. Е., Редей К. (ред.). *Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки*. М.: Наука, 1975. [Lytkin V. I., Matyinskaya K. E., Rédei K. (eds.). *Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniiya. Pribaltiisko-finskie, saamskii i mordovskie yazyki* [Basics of Finno-Ugric linguistics. Balto-Finnic, Saami and Mordvinic languages]. Moscow: Nauka, 1975.]
- Хакулинен 1953 — Хакулинен Л. *Развитие и структура финского языка*. Ч. I: *Фонетика и морфология*. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953. [Hakulinen L. *Razvitie i struktura finskogo yazyka* [Evolution and structure of Finnish]. Part 1: *Fonetika i morfologiya* [Phonetics and morphology]. Moscow: Izdatel'stvo Inostrannoi Literatury, 1953.]
- Хелимский 2002 — Хелимский Е. А. Трансевразийские аспекты русской этимологии. *Русский язык в научном освещении*, 2002, 2: 75–90. [Helimski E. A. Trans-Eurasian aspects of Russian etymology. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2002, 2: 75–90.]
- Чикачев 1990 — Чикачев А. Г. *Русские на Индигирке*. Новосибирск: Наука, 1990. [Chikachev A. G. *Russkii na Indigirke* [Russians on Indigirka]. Novosibirsk: Nauka, 1990.]
- Kalima 1919 — Kalima J. *Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen*. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1919.

Получено / received 01.07.2019

Принято / accepted 17.09.2019